
Опубликованные работы А. Ф. Котс

Александр Федорович Котс

Настоящее и прошлое зоологических музеев с точки зрения общеобразовательной их цѣн- ности

къ вопросу о реформѣ названныхъ музеевъ въ отношеніи научной и общеобразовательной ихъ роли

Отъ автора.

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ идейныхъ знаменій переживаемого времени является настойчиво и съ каждымъ годомъ возрастающій расколъ между господствующимъ направлениемъ чисто-идейныхъ интересовъ въ области естествознанія и духовными запросами интеллигентной части современнаго намъ общества. Этотъ разладъ между призваніемъ лицъ, отдавшихъ служенію чистому естествознанію, и духовными исканіями широкой массы образованнаго общества для всякаго, не зараженнаго предвзятостью и догматизмомъ, существуетъ явно и неоспоримо. Его не въ состояніи затмить ни мнимыя успокоительныя завѣренія въ отсутствіи принципиальнаго различія между наукой чистою и прикладною; ни широкая общественная помощь начинаніямъ, завѣдомо не обѣщающимъ ни тѣни матеріальныхъ благъ; ни переполненныя аудиторіи, съ успѣхомъ привлекающая вниманіе широкой публики докладами и лекціями спеціальнаго характера. Ссылающееся на непредвидимую связь чисто-научныхъ интересовъ и открытій и возможностей ихъ приложеній въ смежныхъ областяхъ практическая знанія слишкомъ часто забываютъ о существованіи обширныхъ дисциплинъ, по самой сущности своихъ задачъ и методовъ рѣшительно и аргіогіи исключаютъ возможность матеріальной ихъ утилизации. И столь же мало убѣдительны другіе часто выставляемые доводы, имѣющіе доказать не существующее единеніе въ оцѣнкѣ собственно идейныхъ выводовъ естествознанія среди его апостоловъ и болѣе широкой части современнаго намъ общества. Иначе, въ обращеніи къ послѣднему передъ осуществленіемъ того или иного начинанія съ чисто идейными научными задачами не раздавались бы такъ часто ссылки на возможность ихъ практическаго примѣненія и пользы; ссылки часто обоснованныя, чаще платоническія и всегда звучащія, какъ будто оправданіемъ... А тѣ, которые такъ искренно привѣтствуютъ въ печати или въ аудиторіи идейныя завоеванія естественныхъ наукъ, эти немногіе цѣнители идейнаго прогресса ихъ, не ограничивались бы такъ часто преходящимъ и отрывочнымъ признаніемъ его; не продолжали бы духовно сторониться отъ конечныхъ выводовъ естествознанія, попрежнему ища отвѣты на свои исканія въ другихъ источникахъ и формахъ человѣческаго творчества.

Всего замѣтнѣе указанная выше рознь отражается на рядѣ дисциплинъ изъ области науки о живой природѣ. Мы разумѣемъ тѣ отдѣлы біологіи¹, которыхъ высшая задача — приподнять завѣсу, облекающую тайну нашего физическаго прошлаго, и отношеніе его къ природѣ и происхожденію окружающихъ живыхъ существъ. Является глубоко очевиднымъ, что направленные въ эту сторону вопросы, методы и заключенія соответственныхъ наукъ чужды и недоступны матеріальному практическому примѣненію. Не менѣе безспорна колоссальная самодовлѣющая собственно идейная ихъ ценность и значеніе. Естественно поэтому спросить себя: чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что, несмотря на широту идейныхъ горизонтовъ этой части біологіи, послѣдняя какъ будто не рѣшается открыто выступить съ своею, исключительно идейной ролью. И другой вопросъ: откуда это малое довѣріе къ идейнымъ достояніямъ естественныхъ наукъ въ той части современнаго намъ общества, которая, готовая для пониманія послѣднихъ, словно сознательно обходитъ ихъ, предпочитая довѣряться болѣе давнишнимъ, торнымъ, но едва ли болѣе дѣйствительнымъ путямъ исканія своего міровоззрѣнія.

Оставляя въ сторонѣ болѣе общія причины этой нерѣшительности и недоувѣрія, не трудно указать одинъ ближайшій, непосредственный источникъ. Источникъ этотъ — непомѣрное дробленіе и спеціализація научнаго изслѣдованія. Необходимое условіе всякаго прогресса, эта спеціализація научной мысли заключаетъ несомнѣнную опасность: отдаленіе отъ болѣе широкихъ основныхъ проблемъ естествознанія, возможность потерять изъ вида ея высшія задачи. И не нужно обладать особой эрудиціей, или особой щепетиль-

¹ Какъ напр., научной систематики и зоогеографіи, сравнительной эмбриологіи и анатоміи.

ностью, чтобы признать реальность вышеупомянутой опасности: так много ежегодно появляется работ, оторванных от общих выводов науки и от общего искания времени. Отсюда вышеупомянутый разлад и раздвоение: неуверенность идейных притязаний собственно биологов, легко утрачивающих живое понимание конечных выводов естествознания, и платонизм общества, безсильного усвоить эти выводы, напрасно ищущаго в них отвѣты на свои идейныя исканія.

Попыткою содѣйствовать сближенію вопросовъ чистаго естествознанія съ идейными исканіями общества и представляется то начинаніе, которому посвящены страницы этой книги — учрежденіе особаго Музея Общей Біологіи, или, что то же самое, Музея, посвященнаго вопросамъ эволюціоннаго ученія, какъ высшаго біологическаго обобщенія. Совмѣстное обслуживаніе интересовъ собственно биологовъ и болѣе обширнаго, неспеціально образованнаго круга лицъ — вотъ основная цѣль, которою руководился авторъ при созданіи своего музея, какъ и при изданіи послѣдующихъ страницъ, служащихъ оправданіемъ его идеи.

Можно безъ труда предвидѣть, что созданіе подобнаго научнаго и широко образовательнаго учрежденія вызоветъ у большинства упрекъ въ сліянніи задачъ изслѣдователей и популяризаторовъ: «задача первыхъ — разработка спорнаго въ наукѣ; призваніе вторыхъ — несеніе въ общество ея готовыхъ выводовъ». «Смѣшеніе обѣихъ цѣлей», скажутъ намъ, «только во вредъ наукѣ и ея распространенію. Осуждено Оно и практикой музеевъ, такъ усиленно заботящихся нынѣ о разграниченіи общеобразовательныхъ и собственно научныхъ цѣлей учрежденія».

Таковы естественныя возраженія. Въ отвѣтъ на нихъ можно замѣтить нижеслѣдующее. Дѣйствительно ли область спорнаго, какъ сферы спеціальныхъ интересовъ и очередной ближайшей разработки чистой біологіи, всегда и неминусомъ выходитъ за предѣлы той, которая, касаясь болѣе элементарнаго и достовѣрнаго, считается созрѣвшей для научной популяризаціи? И точно ли задачи этой популяризаціи давать только готовые рѣшенія и выводы, скрывая спорное и противорѣчивое?

Отвѣтъ на эти выраженныя авторомъ сомнѣнія дается непосредственными данными его музея, въ частности, неоднократными осмотрами послѣдняго авторитетными учеными. Осмотры эти слишкомъ часто убѣждали автора въ оторванности спеціальныхъ интересовъ большинства биологовъ отъ тѣхъ проблемъ, что нѣкогда стояли передъ взорами великихъ корифеевъ біологіи минувшаго столѣтія. Безспорно, что причина этой розни коренится въ недостаточномъ сознаніи того, насколько и теперь еще проблемы эти далеки отъ разрѣшенія. Неоспоримо также, что несознание этого нерѣдко объясняется односторонней книжной эрудиціей биологовъ со многими важнѣйшими страницами эволюціоннаго ученія. Попытка автора — содѣйствовать замѣнѣ этихъ книжныхъ свѣдѣній другими, облеченными въ конкретно-осязательную форму по проблемамъ сгруппированныхъ коллекцій, взятыя изъ самой природы и поста вленныхъ за стеклами музея. И легко предвидѣть, что, какъ слѣдствіе такого, болѣе конкретнаго пути аргументаціи, на мѣстѣ преждевременныхъ отвѣтовъ, ужъ намѣченныхъ для помѣщенія въ научные архивы, вырастутъ другіе новые вопросы, властно вызывающіе къ неотложному рѣшенію.

Мы оставляемъ до послѣдующей части настоящей книги выясненіе того, насколько самое рѣшеніе вопросовъ этихъ облегчается ихъ осязательно-демонстративною формулировкой въ музеѣ. Полагаемъ, что и сказаннаго только что достаточно для поясненія руководящей мысли автора, его увѣренности въ томъ, что многія важнѣйшія страницы общей біологіи, давно ужъ ставшія широкимъ достояніемъ популяризаціи, въ дѣйствительности и понынѣ сохранили много спорнаго и противорѣчиваго; что среди мнимо дознанныхъ и лжеэлементарныхъ выводовъ, даваемыхъ широкой публикѣ, введеніе музеологическаго метода вскрываетъ новые вопросы для самихъ биологовъ.

Вотъ почему стремленіе автора вернуть вниманіе послѣднихъ къ изученію вопросовъ, широко-доступныхъ популяризаціи, не есть сведеніе науки къ болѣе элементарному. Конечные вопросы знанія всегда элементарны, ибо одинаково для всѣхъ понятны, близки и неотвратимы. Только въ этомъ смыслѣ всякое содѣйствіе тому, чтобы связать эти конечные вопросы съ сферой спеціальныхъ интересовъ современной біологіи правлено къ ея преуспѣянію въ будущемъ.

Мы переходимъ къ слѣдующей, собственно сути образовательной задачѣ упомянутаго начинанія автора. Откладывая до послѣдующей части настоящаго изслѣдованія рѣшеніе того, насколько совмѣстимы съ ролью популяризатора научный скепсисъ и сомнѣнія ученаго — отвѣтимъ тутъ же, что *въ искусственномъ разграниченіи обще-образовательнаго и научнаго служенія теперешнихъ музеевъ біологіи и заключается, по мнѣнію автора, источникъ малой удовлетворительности перваго*. Раскрытію

этих недостатковъ нынѣшнихъ зоологическихъ музеевъ, какъ орудія общаго образованія, и посвящаются страницы первой части настоящей книги.

Полагая, что изложенное выше о научной миссии музеевъ биологiи достаточно опредѣляетъ взгляды автора на сущность и предѣлы собственно общеобразовательнаго ихъ призванія, мы ограничимся немногими словами въ поясненіе нижеслѣдующаго критическаго очерка.

На первомъ мѣстѣ представляется необходимымъ указать, что говоря о недостаткахъ тѣхъ или иныхъ музеевъ, авторъ совершенно не касается оцѣнки ихъ, какъ центровъ собственно-научной мысли и научнаго изслѣдованія. И всего менѣе входило въ его планы отрицать огромное культурно-просвѣтительное ихъ значеніе, какъ источниковъ начальнаго ознакомленія съ природой или въ отношеніи учебно-вспомогательной ихъ роли. Тѣмъ рѣшительнѣе надо указать полнѣйшее несоотвѣтствіе указанныхъ музеевъ съ тѣми цѣлями, которыя стоятъ передъ глазами автора и руководятъ имъ въ его идейномъ начинаніи. Вотъ почему необходимо было напередъ отмежеваться отъ музеологическихъ пріемовъ, доставляющихъ превратную картину о дѣйствительной задачѣ биологiи, въ извѣстномъ смыслѣ реабилитировать послѣднюю. Достигнуть этого возможно было лишь суровой критикой.

Касаясь, какъ идейно-внутренней, такъ и технической и внѣшней стороны музеевъ, взятыхъ образцами иллюстраціи, критическое обсужденіе послѣднихъ опирается на личное знакомство автора съ важнѣйшими изъ соотвѣтствующихъ учрежденій Запада. На личномъ же и многолѣтнемъ опытѣ основаны и тѣ критическія замѣчанія методико-теоретическаго свойства, что предпосланы отдѣльнымъ описаніямъ. Потребовалось съ лишнимъ десять лѣтъ послѣдовательной эволюціи врожденныхъ интересовъ автора къ Естествознанію, чтобы отъ частной зоогеографіи², черезъ вопросы систематики³ остановиться на проблемахъ эволюціоннаго ученія⁴, и на ряду съ знакомствомъ съ низшей, средней, высшей и народной аудиторіей практически обосновать для автора неодинаковую цѣнность соотвѣтственныхъ пріемовъ популяризаціи. Потребовалось двадцать слишкомъ лѣтъ практическаго интереса къ области музейской техники, въ видѣ начавшагося съ дѣтства увлеченія препараторскимъ искусствомъ⁵ и позднѣйшаго научнаго руководительства крупнѣйшею въ Россіи препараторскою фирмою *Th. Lorenz*, чтобы оправдать во мнѣніи автора его открытая и рѣзкія нападки на техническую сторону разсмотрѣнныхъ музеевъ. Указанныя только что автобіографическія данныя имѣютъ цѣлью показать, что при созданіи своего музея, какъ и при изданіи той книги, что назначена служить введеніемъ къ путеводителю послѣдняго, въ распоряженіи автора имѣлись данныя, безспорно облегчавшія его задачу.

Оставляя впредь до напечатанія послѣдующей спеціальной части настоящей книги приведеніе тѣхъ многихъ лицъ, которымъ авторъ глубоко обязанъ за предоставленіе его музею цѣнныхъ и порой незамѣнимыхъ по прямому соотвѣтствію съ его задачею объектовъ⁶, остается указать на тѣ немногія имена, съ которыми въ различной формѣ и въ неодинаковую пору связано осуществленіе идеи автора.

Навѣянная эстетическимъ влеченіемъ не менѣе, чѣмъ научно-познавательнымъ, эта идея автора едва-ли увидала бы осуществленіе, если бы не многолѣтнее его знакомство съ препараторомъ-натуралистомъ *Th. K. Lorenzomъ*. Лишь исключительныя дарованія покойнаго, какъ тонкаго цѣнителя и знатока животной формы и новатора въ научной таксидерміи, способны были обезпечить эстетическую форму содержанія музея автора.

Тѣмъ угрожающѣе былъ моментъ, когда, за смертью (1909) незабвеннаго учителя и друга пишущаго эти строки, можно было думать, что дальнѣйшее развитіе музея можетъ прекратиться. Опасенія эти оказались ложными лишь потому, что къ дѣлу созиданія музея удалось привлечь талантъ и интересъ ближайшаго сотрудника покойнаго *Th. Lorenza* и безусловно даровитѣйшаго изъ его учениковъ — теперешняго препаратора музея *Филиппа Евтѣевича Федулова*. Надѣленный совершенно исключительною наблюдательностью, чувствомъ формы и техническими знаніями, послѣдній въ продолженіе немногихъ лѣтъ довелъ

² *А. Ф. Котсъ*. Замѣтки объ орнитологической фаунѣ Юго-Западной Сибири 1910 (1899).

³ *А. Ф. Котсъ*. Эгитогнатизмъ, его развитіе и таксономическое значеніе. Къ вопросу о методологическихъ основахъ современныхъ классификаціи 1912 (1906).

⁴ *Th. Lorenz*. Die Birkhühnern Russlands, deren Bastarde, Ausartungen und Varietäten, Bearbeitet und herausgegeben von *Alexander Erich Kohls*. Wien. 1910.

⁵ См. Отчетъ научныхъ подотдѣловъ Выставокъ Императорскаго Московскаго Общества Акклиматизаціи за 1896 г.

⁶ Лишь совершенно исключительная роль въ осуществленіи музея автора, что выпала на долю широко-извѣстнаго Института *Вильгельма Шлютера* въ Германіи (*Wilh. Schlüter, Halle a. S.*) обяываетъ автора открыто высказать на этомъ мѣстѣ самую глубокую признательность за многолѣтнюю, глубоко-компетентную и добросовѣстную помощь въ дѣлѣ пріобрѣтенія многихъ цѣнныхъ и безукоризненныхъ по сохраненію объектовъ.

художественно-внѣшнюю сторону музея до почти недостижимаго для музеевъ Западной Европы совершенства. Авторъ почитаетъ своимъ долгомъ высказать открыто своему ближайшему сотруднику по внѣшнему устройству своего музея благодарность за любовь, усердіе и самоотверженность, проявленные имъ. Глубоко незамѣнимой оказалась также помощь и участіе художника *В.А. Ватагина-Шереметевскаго*, въ качествѣ безспорно лучшаго въ Россіи рисовальщика животныхъ съ неподражаемымъ талантомъ и любовью взявшагося за выполнение иллюстративной и художественной стороны музея.

Обращаясь къ болѣе глубокимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, содѣйствовавшимъ начинанію автора, едва ли нужно говорить, что созданный по частной инициативѣ этого послѣдняго, музей его, конечно, никогда не смогъ бы приобрести своихъ теперешнихъ размѣровъ, если бѣ не авторитетность учрежденія, въ стѣнахъ котораго онъ росъ и развивался.

Въ этомъ смыслѣ авторъ позволяетъ себѣ выразить глубокую признательность директору Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, проф. *С. А. Чаплыгину*, за ту моральную и матеріальную поддержку, которая одна только позволила расширить начатое дѣло.

Въ высокой мѣрѣ авторъ также чувствуетъ себя обязаннымъ глубокоуважаемымъ *Н. К. Кольцову* и *П. П. Сушкину*, прямымъ и косвеннымъ путемъ содѣйствовавшимъ упроченію музея, какъ учебно-вспомогательнаго учрежденія.

Съ переходомъ къ болѣе широкой сторонѣ служенія ⁷ музея, какъ общеобразовательнаго учрежденія, суживается кругъ его, и безъ того немногихъ, покровителей. Вотъ почему съ чувствомъ глубокой благодарности и почитанія упоминаетъ авторъ постоянную идейную поддержку, удѣлявшуюся начинанію его въ Москвѣ гр. *В. Н. Бобринской* и тотъ моральный откликъ и прямую помощь ⁸, что нашла его идея въ Петербургѣ у гр. *С. В. Паниной*, единственныхъ двухъ лицъ, которыя, участвуя такъ непосредственно въ культурно-просвѣтительной работѣ двухъ столицъ откликнулись на начинаніе автора.

На этихъ именахъ возможно было бы прервать слова признательности автора, если бы за технической, учебно-вспомогательной и широко общественной задачей начинанія его не оставалась бы еще одна — ихъ освѣщающая: собственно-идейная. Какъ созидалась, какъ росла и развивалась эта, претворившая въ себя призваніе автора, завѣтная его идея и какой цѣною достигалось медленно ея осуществленіе — объ этомъ знаетъ только та ⁹, что, ставши рядомъ съ пишущимъ страницы эти, въ качествѣ единственнаго, перваго идейнаго сотрудника его и друга, одна сумѣла раздѣлить эту идею, увѣренность за будущность ея и жертвы, что стояли на пути ея осуществленія.

Идея эта на зарѣ господствующаго нынѣ эволюціоннаго ученія съ бездонной глубиной отлилась въ четверостишіе ¹⁰ величайшаго германскаго поэта.

Претворить ее за стеклами музея — такова конечная задача автора, давно рѣшенная ужъ для него; рѣшить ее и для ближайшей аудиторіи его — вопросъ немногихъ мѣсяцевъ. Удастся ли продвинуться съ рѣшеніемъ ея къ сознанію и болѣе широкой массы общества — зависитъ отъ готовности послѣдняго откликнуться на настоящія страницы.

Москва, 7 апрѣля 1913.

⁷ Во время лѣтнихъ и рождественскихъ каникулъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, число стороннихъ посѣтителей музея (преимущественно лицъ учительскаго персонала) достигало до двухъ тысячъ.

⁸ Въ теченіе одной лишь половины 1912 г. графиней *С. В. Паниной* было предоставлено въ распоряженіе автора на срочныя приобрѣтенія *2800 рублей*.

⁹ *Н. Н. Котсъ* (урожд. *Ладыгина*), слушательница Моск. Высш. Женск. Курсовъ.

«Was kann der Mensch im Leben mehr gewinnen,
Als dass sich Gott-Natur ihm offenbare,
Wie sie das Feste lässt zu Geist verrinnen,
Wie sie das Geisterzeugte fest bewahre».

Goethe.

О Музеѣ Эволюціонной Исторіи Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ за 1913—1914 учебный годъ.

Принципы устроения, задачи и попытка проведенія ихъ въ общеобразовательныхъ осмотрахъ

Задача нижеслѣдующихъ строкъ дать сводку свѣдѣній касательно идейнаго и матеріальнаго развитія и роста Біологическаго Музея М. В. Ж. К. за протекшій первый годъ его существованія въ качествѣ научнаго, учебно-вспомогательнаго и общеобразовательнаго учрежденія Курсовъ. Соотвѣтственно задачѣ этой, казалось и умѣстнымъ, и необходимымъ содержаніе послѣдующаго очерка раздѣлить на нѣсколько частей и бѣгло очертить теперешнее состояніе музея въ отношеніи:

- I. Сохранности и размѣщенія коллекцій.
- II. Хода препараторскихъ работъ.
- III. Пожертвованій и приобрѣтеній музея.
- IV. Состоянія бюджета; печатныхъ изданій и лекцій въ пользу музея.
- V. Общеобразовательной дѣятельности музея въ отношеніи стороннихъ посѣтителей.
- VI. Учебно-вспомогательной дѣятельности въ отношеніи слушательницъ курсовъ.
- VII. Научной дѣятельности музея.

I.

Помѣщающіяся временно въ аудиторномъ корпусѣ коллекціи Біологическаго Музея сохраняются въ троякой формѣ: а) меньшая, монтированная, поставленная въ видѣ чучель и другихъ технически готовыхъ препаратовъ, въ количествѣ до 1300 объектовъ размѣщается на хорахъ во второмъ и третьемъ этажѣ, въ шкафахъ, внѣ времени осмотровъ затемненныхъ въ цѣляхъ огражденія коллекціи отъ выцвѣтанія; б) большая, но не монтированная часть временно хранится частью б) въ полуподвальномъ помѣщеніи, частью с) въ комнатахъ на третьемъ этажѣ, на время предоставленной для нуждъ біологическаго музея.

Достаточныя по размѣрамъ, отведенныя для временнаго храненія матеріаловъ послѣднія два помѣщенія, къ сожалѣнію, не соотвѣтствуютъ температурнымъ требованіямъ изъ-за чрезмѣрной сухости, вредящей сохраненію объектовъ. Въ еще болѣе мѣрѣ возбуждаетъ опасеніе въ этомъ смыслѣ, какъ и въ отношеніи пыли, (неизбѣжно проникающей въ шкафы изъ корридоровъ при уборкѣ и усиленномъ движеніи въ послѣднихъ), размѣщенные на хорахъ и особенно на третьемъ этажѣ шкафы съ монтированными коллекціями. Относительно высокая температура (въ среднемъ около 15° по R), близость калориферовъ къ шкафамъ, какъ и (въ особенности во время зимнихъ мѣсяцевъ) ощутительныя для коллекцій колебанія въ температурѣ, угрожаютъ деформированіемъ и порчей ряда цѣнныхъ препаратовъ съ ихъ сложной моделировкой и скульптурой. Вмѣстѣ взятые указанные недостатки временнаго сохраненія музея, какъ и невозможность ослабленія ихъ пагубнаго воздѣйствія на время пребыванія музея въ аудиторномъ корпусѣ, представляются серьезнымъ поводомъ къ тому, чтобы желать скорѣйшаго переведенія его въ другое специально приспособленное помѣщеніе, болѣе защищенное отъ пыли и съ температурой не выше 10° Реомюра.

Теоретическое размѣщеніе музея временно проведено по слѣдующему плану: хоры второго этажа, — южное крыло: *факты эволюціи* (измѣнчивость; диморфные виды; видъ; разновидность; возрастныя измѣненія; трудно разграничимые, сборные виды; явленіе конвергенціи; приспособленіе прогрессивное и регрессивное). Отдѣломъ зоогеографіи открываются коллекціи сѣвернаго крыла, отведеннаго *факторамъ эволюціи* (Ламаркизмъ; Неоламаркизмъ; Дарвинизмъ; Неодарвинизмъ; теоріи мутаціонная, миграціонная и Менделизмъ). Хоры третьяго этажа: проверка перечисленныхъ теорій на явленіи окраски у животныхъ. Сѣверное крыло: покровительственная окраска, предупреждающая и распознавательная; теорія миметизма. Южное крыло: теорія полового диморфизма; половой отборъ. Тамъ же, на третьемъ этажѣ, къ сожалѣнію, за тѣсною помѣщенія, внѣ идейнаго порядка въ отношеніи остальныхъ частей музея, находится и заключительный отдѣлъ его: эволюціонное ученіе въ примѣненіи къ физическому развитію человѣка. Необходимо, впрочемъ, указать, что и допускавшее донынѣ относительную выдержанность плана большин-

ство других отделов нашего музея в ближайшем времени грозит значительно утратить цельность внутреннего плана за необходимостью при размещении вновь поступающих объектов руководствоваться менее идейным. их значением для данного отдела, сколько величиною свободного места по простенкам корридора. — Неудобство временное, но в высокой мере затрудняющее на ближайшие года идейную работу и использование музея и, конечно, устранимое лишь с переходом в новое и специально приспособленное здание.

II.

Ходъ препараторскихъ работъ въ музей определялся данными, изложенными выше. Вследствие обилия материалов, временно хранящихся в сыром и не монтированном виде, неизбежным оказалось обратиться кь монтировкѣ тѣхъ неоцѣнимыхъ по идейному значенію объектовъ, продолжительное пребываніе которыхъ вь сыромъ виде угрожало бы дальнѣйшей ихъ сохранности, и представлявшихъ исключительный трудности вь дѣлѣ технического выполнения. Тѣмъ болѣе достойно здѣсь упоминанія, что благодаря искусству и настойчивости препаратора музея, Ф. Е. Федулова, при форсированной работѣ ежедневно свыше десяти часовъ (затрачивая почти вдвое больше времени противъ установленнаго по условію) за время восьми мѣсяцевъ поставлено болѣе 100 препаратовъ (вь томъ числѣ сложнѣйшіе по препаровкѣ и неоцѣнимые по рѣдкости и теоретическому ихъ значенію рядъ антро-поморфныхъ обезьянъ, коллекція по миметизму у млекопитающихъ; половина всѣхъ имѣющихся вь музеѣ райскихъ птицъ вь количествѣ 50 экземпляровъ).

Какъ и вь предыдущіе года, составитель музея почитаетъ своимъ долгомъ высказать открыто своему незамѣнимому сотруднику, глубокоуважаемому Ф. Е. Федулову, горячую признательность за ревностное беззаветное служеніе дѣлу внѣшняго осуществленія задачъ музея — при неблагопріятнѣйшихъ условіяхъ работы, сохранившему музею многіе десятки уникаловъ вь безукоризненныхъ по формѣ образцахъ препаровального искусства. Къ сожалѣнію, стоящее на очереди препарированіе крупныхъ представителей млекопитающихъ вь высокой мере затрудняется отсутствіемъ достаточно-обширнаго и специально-приспособленнаго помѣщенія для постановки крупныхъ препаратовъ — неудобство, устранимое лишь сь переходомъ вь новое проектируемое помѣщеніе музея.

Какъ на иллюстрацію сказаннаго можно указать на то, что занятый вь теченіе нѣсколькихъ недѣль монтированіемъ колоссальнаго чучела самца гориллы, препараторъ вынужденъ производить работу подъ открытымъ небомъ, укрываясь вь непогоду вь нанятомъ сараѣ, при условіяхъ, конечно, мало отвѣчающихъ отвѣтственной работѣ надъ объектомъ, исключительнымъ по теоретической и матеріальной цѣнности.

III.

а) *Пожертвованія и приобрѣтенія музея* выражались за отчетный годъ вь значительномъ числѣ капитальныхъ поступленій, частью принесенныхъ вь даръ музею (напр. *В. Ч. Дорогостайскимъ*) замѣчательный по рѣдкости экземпляръ *Tetrao urogallus* сь куроперой окраской — 3-ий экземпляръ вь мировыхъ коллекціяхъ; черезъ посредничество *П. В. Серебровскаго* отъ лица близко стоящаго кь музею экземпляръ *Tetrao lagoroides* — 2-ой экземпляръ вь научныхъ зоологическихъ коллекціяхъ Москвы (1-ый экземпляръ хранится тоже вь нашемъ музеѣ). Менѣе исключительные, но все же весьма цѣнные объекты поступили отъ постоянныхъ жертвователей музею гр. *Н. А. Бобринскаго*; *Д. Д. Осиповскаго*; *Н. Н. Энгельманъ*; *проф. П. П. Сушкина*. Нѣкоторые другіе экземпляры на льготныхъ условіяхъ отъ участниковъ русскихъ экспедицій вь Африку — *В. Н. Никитина* и *В. В. Троицкаго*. Всѣмъ вышеозначеннымъ лицамъ завѣдующій музеемъ почитаетъ долгомъ выразить свою глубокую признательность.

б) Гораздо болѣе значительными по числу и совершенно исключительнымъ по идейной цѣнности ихъ вь отношеніи задачъ музея представляются коллекціи, приобрѣтенныя минувшимъ лѣтомъ вь Англии и Германіи при личномъ посѣщеніи завѣдующимъ музеемъ и его помощницей, Н. Н. Котс, ряда заграничныхъ фирмъ. Означенная поѣздка была предпринята сь единственною специальною цѣлью повторнаго и личнаго ознакомленія сь устройствомъ зоологическихъ музеевъ Запада (Германіи, Франціи, Бельгіи, Англии), сь тѣмъ, чтобы использовать полученныя свѣдѣнія при оборудованіи и расширеніи Биологическаго Музея курсовъ. Тщательное изученіе свыше 20 музеевъ (*Дрездена, Берлина, Лейпцига, Галле, Лены, Нюрнберга, Штутгардта, Мюнхена, Франкфурта, Бонна, Кельна, Брюсселя, Парижа, Лондона, Тринга, Антверпена, Гамбурга, Альтоны и Бреславля*) вь отношеніи, какъ внутренняго плана, такъ и внѣшней ихъ организациі, дало возможность лично оцѣнить достоинства различныхъ методовъ практической музеологии; личное знакомство сь директорами и завѣдующими музеевъ подготовило желательную почву для послѣдующихъ обмѣновъ дубликатами коллекціи, не говоря о множествѣ вывезенныхъ рисунковъ,

плановъ, чертежей и фотографій съ зданій, мебелировки и препаратовъ, какъ и серіи несуществующихъ въ продажѣ гипсовыхъ моделей или слѣпковъ рѣдкихъ формъ животныхъ, примѣнительно къ техническимъ работамъ, предстоящимъ нашему музею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ повторное изученіе ряда крупнѣйшихъ зоологическихъ музеевъ Запада (какъ напр. *Берлина, Парижа, и Лондона*, какъ и въ особенности *Филетическаго Музея въ Іенѣ*, основаннаго *Эрнстомъ Геккелемъ*), подтвердило прежнее убѣжденіе, что музеи эти въ иллюстраціи важнѣйшихъ обобщеній эволюціоннаго ученія далеко уступаютъ нашему молодому учрежденію, вопреки своей временной малоизвѣстности и малосовершеннымъ временнымъ условіямъ помѣщенія. могущему съ полнымъ правомъ почитаться, какъ единственное въ своемъ родѣ учрежденіе въ Европѣ.

Тѣмъ обоснованнѣе казалось пожеланіе использовать трехмѣсячное пребываніе въ музейскихъ центрахъ Западной Европы для отысканія и приобрѣтенія тѣхъ объектовъ, которые недоставали нашему музею, несмотря на долготѣнныя запросы и заказы заграничнымъ фирмамъ, какъ вслѣдствіе абсолютной рѣдкости, такъ и за трудностью заочной выписки, особенно въ виду тѣхъ строгихъ требованій, что предъявляются Музеемъ нашимъ въ отношеніи условій сохраненія объектовъ при послѣдующей ихъ монтировкѣ. Представляется особенно умѣстнымъ указать, что вслѣдствіе особыхъ цѣлей нашего музея всякія новыя приобрѣтенія отнюдь не могутъ выражаться лишь въ количественномъ разрастаніи коллекцій, ибо изъ множества объектовъ, интересныхъ и пріемлемыхъ для собственно систематическихъ музеевъ, готовыхъ безпредѣльно увеличивать свои коллекціи, лишь очень небольшая часть можетъ съ основаніемъ претендовать на интересъ для нашего музея, руководящагося принципомъ избѣгать перегруженія однороднымъ и принимающаго только то, что призвано для лучшей иллюстрацій въполнѣ опредѣленнаго вопроса эволюціоннаго ученія. Не представляя изъ себя предмета настоящаго технического производства, (какъ лабораторные приборы или инструменты), или правильнаго поступленія на рынки (какъ журналы или книги, даже антикварнаго характера), приобрѣтеніе большинства намѣченныхъ объектовъ могло осуществиться лишь какъ дѣло случая и разъ упущенное вслѣдствіе все возрастающаго вымирания многихъ формъ животныхъ, рисковало бы навсегда остаться въ области *Desiderata*. Къ тому же присоединилось и желаніе использовать талантъ и опытность теперешняго препаратора Ф.Е. Федулова, и что не менѣе существенно, желаніе включить въ готовящееся къ осени иллюстрированное изданіе музея рядъновыхъ, неизвѣстныхъ и въ дарвинистической литературѣ, и въ біологическихъ музеяхъ Запада примѣровъ, поясняющихъ обширнѣйшіе главы эволюціоннаго ученія. Взятая вмѣстѣ вышеприведенныя причины вынудили завѣдующаго музеемъ рѣшиться на значительныя приобрѣтенія, въ числѣ которыхъ можно указать на слѣдующіе капитальные отдѣлы:

А. По отдѣлу ископаемыхъ животныхъ.

- I. Полная серія слѣпковъ череповъ и нѣкоторыхъ другихъ частей скелета ископаемыхъ остатковъ черепка, включая всѣ новѣйшія раскопки.
- II. Полная серія слѣпковъ конечностей и череповъ, иллюстрирующихъ происхожденіе лошади, давняго классическаго примѣра по эволюціи позвоночныхъ.
- III. Серія слѣпковъ и моделей, иллюстрирующихъ эволюцію хоботныхъ животныхъ, этого новѣйшаго, но ставшаго классическимъ, образца геологической эволюціи животнаго.
- IV. Слѣпки и модели череповъ и конечностей гигантскихъ вымершихъ млекопитающихъ и птицъ послѣ третичныхъ отложеній.

В. По отдѣлу современной фауны:

а. Млекопитающія:

- i. Коллекція антропоморфныхъ обезьянъ, для главы антропогенеза, вмѣстѣ съ имѣвшимися ранѣе въ музеѣ нашемъ превосходящей качествомъ и по числу соотвѣтственные отдѣлы показныхъ коллекцій всѣхъ видѣнныхъ музеевъ континента.
- ii. Полная серія, иллюстрирующая теорію миметизма у млекопитающихъ, не существующая ни въ одномъ музеѣ запада.
- iii. Серія примѣровъ по предупреждающей окраскѣ, дотолѣ представленная у насъ весьма несовершенно.

- iv. Рядъ интересныхъ образцовъ по отдѣлу измѣняемости окраски.
 - v. Коллекція объектовъ, какъ иллюстрація главы борьбы за существованіе.
 - vi. Рядъ объектовъ примѣнительно къ главѣ рудиментарныхъ органовъ, объектовъ крайне рѣдкихъ даже въ видѣ иллюстрацій.
 - vii. Коллекціи по индивидуальной измѣняемости.
- b. По отдѣлу птицъ:
- i. Пополненіе великолѣпной коллекціи райскихъ птицъ, фазановъ и колибри, какъ классическихъ примѣровъ полового диморфизма.
 - ii. Иллюстрація теоріи миметизма птицъ, по полнотѣ далеко превосходящая аналогичные отдѣлы остальныхъ музеевъ.
 - iii. Обширныя серіи, показывающія зависимость цвѣта оперенія отъ условій гнѣздованія.
 - iv. Серія примѣровъ, иллюстрирующихъ эволюцію структурныхъ и цвѣтовыхъ орнаментовъ у птицъ.
 - v. Коллекція не летающихъ птицъ.
 - vi. Примѣры яркой окраски птицъ тропической фауны и объекты для иллюстраціи теорій, объясняющихъ ее.
 - vii. Примѣры птицъ для иллюстраціи вопросовъ зоогеографіи.

Изъ остальныхъ отдѣловъ позвоночныхъ можно указать на серіи объектовъ, иллюстрирующихъ эволюцію скелета и приспособленій низшихъ позвоночныхъ. Всего до 1000 объектовъ на сумму до 10,000 рублей, съ разсрочкой платежа на три съ половиной года.

Приобрѣтеніемъ этой капитальной серіи обезпечено на всѣ послѣдующія времена осуществленіе основной задачи нашего музея, какъ единственного по идеѣ и ея систематическому проведенію научнаго, учебно-вспомогательнаго и общеобразовательнаго института.

Оставляя оправданіе этого опредѣленія до послѣдующихъ пунктовъ настоящаго очерка, умѣстнѣе сейчасъ же перейти къ ближайшему на очереди пункту, именно бюджету.

IV.

То обстоятельство, что на приобрѣтеніе упомянутыхъ коллекцій рѣшались приходилось спѣшно и въ періодъ вакацій безъ предварительнаго санкціонированія факультетомъ, это обстоятельство, конечно, исключало мысль о полной оплатѣ этихъ капитальныхъ приобрѣтеній. Курсами, особенно въ теперешній усиленный строительный періодъ. И потому завѣдующему музеемъ на первомъ мѣстѣ надлежало озаботиться самостоятельнымъ изысканіемъ необходимыхъ средствъ. Принимая во вниманіе довольно льготныя условія платежа, допу ценную фирмами разсрочку на три съ лишнимъ года, составителемъ музея разработанъ планъ общедоступныхъ лекцій по эволюціонному ученію въ теченіе каждаго семестра по одному циклу четырехъ лекцій. Сборомъ съ этихъ лекцій и предполагается покрыть бѣльшую часть стоимости приобрѣтеній минувшаго лѣта; намѣреніе, отчасти уже осуществленное: всѣ расходы по провозу вновь приобрѣтенной колекціи въ размѣрѣ 330 рублей сполна оплачены уже сборомъ съ лекціи, прочитанной 15 декабря минувшаго года А. Ф. Котсъ на тему: «Итоги эволюціонизма въ отраженіи біологическихъ музеевъ». Одновременно имѣются въ виду денежныя поступленія и отъ продажи печатныхъ изданій, чистый сборъ съ которыхъ предназначенъ на расширеніе музея. До сихъ поръ опубликованы:

А. Ф. Котсъ: «Пути и цѣли эволюціоннаго ученія въ отраженіи біологическихъ музеевъ», (часть I).

«Ламаркъ и Дарвинъ, какъ историки въ естествознаніи».

Н. Н. Котсъ: «У мыслящихъ лошадей». (Личныя впечатлѣнія въ бѣгломъ освѣщеніи исторіи вопроса).

Готовится къ печати и поступитъ къ осени въ продажу къ предстоящему осеннему циклу вышеупомянутыхъ общедоступныхъ лекцій 2-ая часть Путеводителя по музею. Къ сожалѣнію, всѣ вышеупомянутыя изданія за неимѣніемъ соотвѣтственнаго замкнутого помѣщенія до сихъ поръ не поступали еще въ продажу, несмотря на постоянные запросы слушательницъ и стороннихъ посѣтителей музея.

Взятые вмѣстѣ проектируемые и реализованные уже отчасти источники доходовъ въ пользу нашего музея имѣютъ въ виду повысить на ближайшіе годы матеріальныя его средства съ тѣмъ, чтобы, съ наименьшимъ обремененіемъ бюджета Женскихъ Курсовъ, закрѣпить за нашимъ учрежденіемъ тѣ сокровища, которыя пришлось пріобрѣсти минувшимъ лѣтомъ на единоличную отвѣтственность завѣдующаго музеемъ.

V.

Общеобразовательная дѣятельность музея выражалась за истекшій годъ по примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ устройствѣ групповыхъ осмотровъ для стороннихъ посѣтителей, по преимуществу учителей народной школы и учащихся различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе особенности свѣтовыхъ условий, временности размѣщенія и отсутствія печатнаго путеводителя осмотры эти неизмѣнно проводились подъ руководствомъ завѣдующаго музеемъ и его помощницей, въ лекціонной формѣ, требовавшей отъ 2 до 3 часовъ для каждой группы. Принимая во вниманіе, что осмотры нашего музея посторонними возможны были только въ неприсутственные дни, открытіе доступа къ музею неизбѣжно приходилось ограничить лицами педагогическаго званія и, главнымъ образомъ, участниками иногороднихъ экскурсій. Тѣмъ не менѣе, за истекшее полугодіе удалось удовлетворить до 600 лицъ (въ томъ числѣ около 300 участниковъ послѣдняго пасхальнаго съѣзда учителей Московскаго уѣзда; нѣсколько группъ слушателей университета Шанявскаго, слушателей библиотечныхъ курсовъ, членовъ съѣзда по коопераціи) вмѣстѣ съ посѣтителемъ осенняго семестра до 1000 человекъ; цифра, если и незначительная абсолютно, но близкая къ предѣльной при несовершенныхъ, временныхъ условіяхъ использования музея лицами изъ общества и устранимыхъ только съ переходомъ въ специально построенное помѣщеніе.

VI.

Учебно-вспомогательная роль музея осуществлялась за минувшій годъ въ двоякой формѣ: какъ основа для теоретическаго курса и объектъ практическаго изученія на вечернихъ демонстраціонныхъ занятіяхъ.

Ограничиваясь послѣднимъ, умѣстно указать, что начавшіяся въ осеннемъ полугодіи и значительно разросшіяся въ весеннемъ демонстраціонныя занятія въ музеѣ (5 группъ отъ 25 до 30 слушательницъ въ каждой, ежедневно, кромѣ вторника, по вечерамъ отъ 8 до 10 часовъ вечера), несмотря на поздніе часы безъ видимой усталости и съ неослабнымъ интересомъ посѣщались слушательницами вплоть до Оминой недѣли, какъ обыкновенно, близостью экзаменовъ понизившей наполовину цифру аудиторіи. Возможность повести съ начала будущаго года демонстраціонныя вечернія занятія въ расширенномъ объемѣ позволяетъ лучше организовать введенное въ уже истекшемъ полугодіи и болѣе активное участіе слушательницъ въ формѣ реферированія теоретическаго содержанія коллекцій послѣ объясненія ихъ руководителемъ, методу, судя по началу, живо и охотно принятую аудиторіей подъ руководствомъ помощницей завѣдующаго музеемъ Н. Н. Котсъ.

Съ тѣмъ болѣе сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что за тѣсною помѣщенія и невыгоднымъ для проведенія групповыхъ осмотровъ размѣщеніемъ шкафовъ — число участницъ въ этихъ групповыхъ осмотрахъ на ближайшіе года, до перехода въ специально оборудованное зданіе, должно быть крайне ограничено, не больше 150 человекъ, не говоря уже о другихъ существеннѣйшихъ неудобствахъ, осложняющихъ и технику осмотра и вредящихъ сохраненію самихъ объектовъ. Невозможность же предоставленія доступа къ осмотру нашего музея слушательницамъ безъ личнаго присутствія руководителей вынуждаетъ держаніе музея подъ запретомъ для огромной массы слушательницъ разныхъ факультетовъ, что безпорно представляется однимъ изъ главныхъ золъ теперешняго временнаго размѣщенія музея.

VII.

Едва-ли нужно говорить, что внѣшнія причины, временно задерживающія учебно-вспомогательную и общеобразовательную дѣятельности музея, отражаются и на научной сторонѣ его служенія. Планомѣрной, собственно научной обработкѣ обширныхъ сохраняемыхъ въ немъ матеріаловъ препятствуетъ прежде всего отсутствіе свободнаго къ нему доступа даже для завѣдующаго музеемъ, вынужденнаго свои занятія относить на неприсутственные дни, въ немногіе часы, свободные отъ групповыхъ осмотровъ лицами изъ об-

щества. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ нельзя и думать о привлеченіи къ собственно научнымъ занятіямъ въ музеѣ самихъ слушательницъ курсовъ, и это несмотря на то, что вслѣдствіе распределенія его коллекцій по проблемамъ, содержаніе любого шкафа нашего музея представляетъ рядъ завѣдомо нетронутыхъ и благодарныхъ темъ для спеціальнаго изслѣдованія. Собранными съ цѣлью показать открытыя и спорныя мѣста и главы величайшаго біологическаго обобщенія, въ періодъ чрезмѣрной спеціализаціи научной мысли, слишкомъ часто далеко оторванной отъ жизни, какъ и отъ послѣднихъ выводовъ естествознанія, коллекціями нашего музея откры вается обширнѣйшее поле для научной разработки именно теперь, когда за интенсивнымъ ростомъ аудиторій и сопутствующимъ расширеніемъ учебной дѣятельности на очереди вторая сторона служенія Высшей Женской Школы, какъ разсадника научнаго изслѣдованія. И несомнѣнно, что среди путей скорѣйшаго осуществленія этой второй задачи мѣсто далеко не изъ послѣднихъ выпало бы и на долю нашего музея, если бы не условія временнаго помѣщенія его и не сознаніе необходимости сосредоточить большую часть времени и силъ и матеріальныхъ средствъ на издаваніе научно-популярныхъ книгъ и на организацію публичныхъ лекцій въ цѣляхъ привлеченія вниманія общества къ задачѣ нашего музея.

Заканчивая бѣглый очеркъ деятельности нашего музея за первый годъ его существованія въ качествѣ научнаго, учебно-вспомогательнаго и общеобразовательнаго учрежденія Моск. Высш. Женск. Курсовъ, умѣстно сдѣлать слѣдующія заключительныя замѣчанія.

Сопоставляя данныя, рисующія нынѣшнее состояніе музея и условія его культурнаго служенія, нельзя не подчеркнуть одинъ фундаментальный недостатокъ, единственный, стоящій на пути дальнѣйшаго развитія музея, отражающейся глубоко на всѣхъ ступеняхъ деятельности его — *отсутствіе достаточно обширнаго и спеціально приспособленнаго зданія*, достойнаго и содержанія музея и того единственнаго учрежденія, въ стѣнахъ котораго семь лѣтъ тому назадъ, по частной инициативѣ пишущаго эти строки, было положено его начало. Несомнѣнно, что авторитетность учрежденія этого одна лишь сможетъ обезпечить бу душность музея, какъ **научнаго** и какъ **учебно-вспомогательнаго** института. Неоспоримо также, что въ періодъ усиленнаго внѣшняго строительства и расширенія ближайшихъ и очередныхъ задачъ Моск. Высш. Женск. Курсовъ было бы несправедливо возлагать на нихъ единоличную заботу о созданіи условій, обезпечивающихъ широкое обслуживаніе, интересовъ общества подъ сводами нашего будущаго зданія-музея. Приспособленный, какъ ни одинъ изъ существующихъ музеевъ города къ запросамъ и исканьямъ демократической интеллигентной части общества, перевидавшій за короткій срокъ существованія нѣсколько тысячъ тружениковъ народной школы, какъ единственное **общеобразовательное** учрежденіе курсовъ, раскрывающее свои двери для широкой массы образованнаго общества, музей въ своей прошедшей дѣятельности усматриваетъ оправданіе тому, чтобы рассчитывать на помощь и вниманіе общества въ дѣлѣ усиленнаго ему служенія. Отъ привлеченія интереса и симпатіи общественныхъ круговъ и, въ частности, тѣхъ лицъ, которыхъ имена въ переживаемую нынѣ пору внѣшняго застоя жизни привели къ разцвѣту не одно культурно-просвѣтительное начинаніе страны, будетъ зависѣть и скорѣйшее осуществленіе культурной миссіи музея нашего въ широкой массѣ образованнаго общества.

А. Ф. Котс,

Завѣдующій Музеемъ Эволюціонной Исторіи Московск. Высш. Женск. Курсовъ.

Москва, 6 мая 1914.

Русский Кречет в свете Дарвинизма

Проф. А. Ф. Котс (Москва)

С небольшим, но замечательным по цельности и мастерскому изложению докладе, озаглавленном «О географическом распространении кречетов», профессор Мензбир выступил в начале настоящего столетия (1901) с изложением главнейших результатов изучения своих любимцев кречетов.

Охарактеризовав наружный облик всех известных в ту пору кречетов и ареал их обитания, Мензбир следующим образом рисует их соотношение во времени:

«От древней формы кречета балобана, населявшего в то отдаленное время все пространство от Марокко до северо-восточного Китая, вместе с частью Неаkritической области,

где она образовала местную ферму „мексиканскую“, отделилась ветвь, особи которой особенно выиграли в интенсивности окраски. Она то и привела к образованию *Hendersoni*.» «Другая ветвь шла в направлении к северным формам и дала начало *Lorenzii* и *Altaicus*.» «Итак, мы видим, что все три южные формы связываются между собой одним общим предком.» «В. Н. *Lorenzii*, с другой стороны, мы видим то промежуточное звено, которое указывает нам на то, где и каким путем образовались северные формы и, прежде всего, оно объясняет нам переход к наиболее распространенному *H. islandicus*.» «Исландский кречет, постепенно изменяясь, дает от себя боковую ветвь *Gyrfalco*. От последней выделлась в свою очередь та меланистическая форма, которая известна ныне под названием „Лабрадорского“ кречета.» «Как последний штрих в генеалогии кречетов, заканчивая ряд, появился внезапно полярный кречет, так как путем аналогии с опытами Штандфуса над бабочками мы должны признать, что *H. scandiacus* произошел не путем медленной эволюции, из другой, более темной формы, но возник внезапно, как бы скачком...».

Перед нами — образец типичного филогенетического построения, всецело опирающегося на метод подстановки временных соотношений под морфологические, метод, исходящий из предположения, что давность исторического расхождения отдельных форм пропорциональна их взаимному несходству.

И недаром убежденный дарвинист-зоогеограф Мензбир начал упомянутый доклад с такого положения:

«Задача всякого зоогеографического исследования — установление связи между географическим распространением животных, с одной стороны, и генеалогией с другой...».

И далее:

«Ограниченная в своем распространении северным полушарием и заключающая в себе лишь немногие виды, эта группа, очевидно, дает нам менее сложную картину эволюции, нежели такая, виды которой широко распространены и многочисленны ».

В этих цитируемых двух абзацах три суждения принимаются на положении исходных:

- А. Эволюция живых существ в аспекте «Происхождения видов» Дарвина
- В. Возможность генеалогической их группировки.
- С. Квалификация всех приведенных кречетов, как разных «видов».

Но нетрудно видеть, что принятие двух первых положений умаляет роль и ценность доказательства последнего.

И в самом деле. Толковать ли всех описанных доселе кречетов, как представителей особых «видов» (Мензбир), или ограничиться двумя видами: *F. gyrfalco*, *F. chengug* (Дементьев); выделять ли нам балобана в особый род *Gennaia* (Мензбир), или отнести к тому же роду, что и прочих кречетов, именно *Falco* (Сушкин), — для филогенетики все эти споры лишены принципиального значения, касаясь только допущения различной давности обособления видимых отличий, проэцирования их на разное геологическое прошлое.

Но даже более того. Самая спорность и разноречивость взглядов на систематическое положение отдельных форм является лишь доказательством, их несомненной эволюции, исходной, «школьной» базой Дарвинизма.

Таково было в исходе прошлого столетия суждение главы российских орнитологов по поводу природы и происхождения русского кречета.

Тем любопытнее дальнейшая судьба этого кречета в истории науки, отразившая так ярко и наглядно эволюцию дарвинистической методики и смену взглядов на значение и роль отдельных факторов изменчивости организмов.

Сущность первой заключалась, как известно, в концентрации внимания на факты «внутривидовой изменчивости» («микроэволюции»), на изучение minutiosнейших деталей изменений в свете не бинарной, но тринарной (или даже четверной) номенклатуры, сущность и значение второй — в отказе от принципа «постепенности», как монополюсного властителя и двигателя эволюции.

Именно в свете этого двойного сдвига и двоякой эволюции методики полезно беглым образом напомнить любопытный путь, приведший за истекшее полу столетие к теперешним воззрениям на таксономические ранга наших кречетов, чтобы, продолжив путь, договорить доселе недосказанное им.

Мы начинаем с кречета «полярного», как первого внушившего сомнение, в «начале постепенности» и его роли в эволюции живых существ.

Давно известно, что наперекор былому утверждению обратного, «полярный» кречет ни в какую пору жизни не бывает темным, что наряды белые и темные встречаются у птиц того же выводка и той же пары, и что нахождение этих великолепных белых птиц не ограничено Гренландией. Все эти факты вынудили, как известно, развенчать «белого кречета» как представителя самостоятельного «вида» и склониться в сторону признания «белого» наряда, как одной из «фаз» темного, сизого наряда кречета исландского.

Но столь же мало подтвердилось и деление «сизых» кречетов на «темнотемных» норвежцев и на «светлотемных» исландцев.

Установленное в свое время для «типичных» особей в Исландии и Скандинавии и прилегающих частях нашего Севера это отличим в соотносительной окраске темени и мантии теряется при переходе к кречетам «континентального», сибирского происхождения, вынуждая равно компетентных авторов в разное время отмечать то же кречета то в качестве более темного «Исландца», то как «светлого» континентального «Норвежца».

В результате — низведение «исландских» и «норвежских» кречетов до принадлежности к тому же «виду» — кречету «норвежскому», *Falco gyrfalcon* L, с его различными локализованными расами *F. g. intermedius*, *F. g. intermedius*, *F. g. grebnitzkii*. (Дементьев, 1933).

Но еще проще и оправданнее развенчание «видовой самостоятельности всех сочленов буровато-охристой подгруппы кречетов, группы балобанов, будь то: Балобан обыкновенный *Falco cherrug*, *cherrug*, Балобан сибирский (или джунгарский) *F. cherrug saceroides*, Балобан тибетский (или монокольский) *F. cherrug milvipis* (syn. *progressus*). Все они взаимно разнятся, по-существу, (только по степени развития кирпично-охристого тона пятен и полос на верхней стороне, наличие или отсутствие голубовато-сизого надхвостья, полосатости рулей и степени развития рисунка низа и боков, т. е. отличий лишь количественного порядка» (Дементьев — 1947).

Перед нами две различные по оперению группы кречетов:

А. Группа северная — уроженцы Заполярья — царства льда, утесов каменистой тундры и скалистых берегов таежных рек, словно отбросивших на оперение своих питомцев сумрачные краски севера — свечение глетчеров, свинцовый отблеск неба и волны, туманы гор и синеву лесов.

В. Группа южная — питомцы юга, словно закрепившие на своем теле знойные тона пустыни, озаренные багрянцем стволов деревьев и пламенеющих песчаных гор. Две половины спектра: «теплый» и «холодный», ржаво-охристый и сизый или белый, размещенные по разным группам тех же острокрылых хищников.

Итак естественно было спросить: Как увязать эти две линии в одну живую обобщающую нить?

Ответом на вопрос, но не простым, а яишь на языке «дельфийского оракула» явился, как известно, кречет, именуемый «Алтайским».

Описанный по двум лишь экземплярам пол столетие тому назад профессором Мензбиром этот «алтайский кречет» свою подлинную (или мнимую!) разгадку получил через посредничество двух других зоологов: давно (1909) покойного натуралиста-препаратора Ф. Лоренца и профессора (позднее академика), скончавшегося десять лет тому назад, — Петра Петровича Сушкина.

Автору этих строк доселе памятно, как пол столетие тому назад, при посещении лоренцевской мастерской, впервые удалось увидеть странную по виду птицу, словно сшитую из двух различных оперений: сизого и ржавого. Окраска мантии до крайности напоминала оперение «сибирского» балобана: чередование землисто-бурых и кирпично-рыжих пятен, а надхвостье — сизое, как будто взятое и пересаженное с тела северного кречета, именно старого «норвежца».

Переданный, как и все, что попадало к Лоренцу по редким кречтам, профессору Мензбиру, этот замечательный «двухцветный», «пестрый» кречет был им назван «Лоренцевым кречетом».

В итоге — два различных хищника: один — «алтайский», всего более напоминающий «норвежского», другой — «двухцветный, пестрый» Лоренцевский кречет, прилегающий к балобанам.

Раскрыть соотношения этих двух птиц или приблизиться к познанию их истинной природы выпало на долю академика П. Сушкина.

С одной из замечательных своих научных экспедиций П. П. Сушкин вывез, как известно, целый выводок этих загадочных, малоизвестных птиц, добытых из гнезда близ речки Кушка-Нур из северо-восточного Алтая. Там же, у гнезда, был добыт и один из стариков, самец этого выводка.

Как ей известна эта уникальная находка всем причастным к изучению соколиных птиц, — необходимо беглым образом напомнить замечательный его состав.

Птенцы этого выводка, в количестве пяти были весьма неодинаковы по оперению, при том различны уже в первом гнездовом наряде.

Четверо птенцов имели оперение молодых «алтайцев»: сверху темное землисто-бурое лишь со следами, желтоватых пят, рулевые — темные со слабым охристым рисунком, кроме средней пары, одноцветной. Снизу — сильное развитие рисунка по белесовато-охристому полю.

Темный низ, преобладание темною рисунка, наиболее заметен у одной из самок.

Оперение пятого птенца — совсем отличное, напоминая оперение светлого пятнистого «сибирского» балобана, а именно: сверху землисто-бурое с крупными охристыми пятнами. Хвост — пестрый, с палевыми пятнами на всех без исключения рулевых. Низ — налево-белесый, но с преобладанием фона над отметинами в виде каплевидных крапин.

Оперение старого самца, убитого при выводке, типичное для «Лоренцева» кречета: землисто-бурая окраска мантии с коричневатыми пестринами, сизым надхвостьем и белесоватым низом с темным, редким сердцевидным крапом.

После первой линьки, установленной при содержании птенцов в неволе, темные птицы стали отчасти еще более темными, приняв окраску, свойственную типичному «алтайцу» во втором пере: верх буровато аспидный со ржавчатыми ободками перьев, снизу — ржаво-охристый с широким, сильно развитым рисунком «грушевидных» пятен.

Светлый экземпляр стал после линьки еще более похож на взрослого «сибирского» балобана, имея светло-буроватый верх с крупными ржавчатыми пятнами, неясно полосатый хвост и сизоватое надхвостье, низ — палево-белесый с редким каплевидным крапом.

При дальнейшей линьке экземпляры темные отчасти стали приближаться к оперению «норвежских» кречетов, а светлый — к оперению тибетского балобана, т. е. в двух разных и диаметрально противоположных направлениях, одни — к окраске «северного» кречета, другой — к окраске пестрого «сибирского» балобана. Там — приближение к дымчатому оперению, здесь — усиление ржаво-охристого тона.

Перед нами замечательное и в известном смысле уникальное явление: вмещение признаков трех «видов» птиц, именно кречета «алтайского» (1-й и 2-ой наряд у темных особей), двухцветно-пестрого (старый самец и темные птицы в последующих линьках...) и «сибирского» балобана — среди птенцов того же выводка.

Является вопрос: Как нам рассматривать это явление и каково его значение для уяснения «проблемы вида»?

С точки зрения таксономической решение вопроса кажется нетрудным и дано бывлым счастливым обладателем этого выводка: отныне оба оперения «алтайское» и «пестрое» (двухцветное) должны быть призваны за изменения одной и той же птицы, именуемой «алтайским кречетом» по правилу приоритета.

Более ответственно и трудно объяснение состава выводка по существу.

И в самом деле. Перед нами птицы, позволяющие нам в двоякой форме увязать сизую, «северную» с южной, «охристой» подгруппой Кречетов:

А. Нахождением охристых и сизо-бурых птиц в одном и том же выводке.

В. Сочетанием сизого и охристого оперения на одной и той же птице.

Эта двойственность нарядов может быть объяснена трояким образом.

1. Видовым дихроматизмом.

2. Параллельной изменчивостью.

3. Явлением гибридизации.

Рассмотрим порознь три эти толкования.

1. Допущение, что перед нами случай «цветного диморфизма» той же птицы, обладающей во взрослом состоянии двумя нарядами, то буровато-сизым (типа кречета норвежского), то буровато-охристого (оперения «сибирского» балобана).

Именно это толкование кречета алтайского, как полихромной формы, принимается доселе большинством ученых, и принципиально это объяснение вполне логично, принимая во внимание еще большую дихроматичность северного кречета. Иной вопрос, насколько этот диморфизм оперения алтайских кречетов является до казанным. Не надо забывать, что это толкование опирается на двойственности оперения одного лишь выводка, происхождение которого известно лишь с отцовской стороны: старая самка выводков из Кушка-нур осталась неизвестной! Вместе с ней осталась недоказанной и принадлежность матери данного выводка к «алтайской» форме кречета. А если так, то весь «дихроматизм» этого последнего оказывается «висящим в воздухе».

2. Допущение, что перед нами случай «параллельности» («Аналогичности» или «Гомологичности») окраски и рисунка, т. е. тип изменчивости, на который в свое время обратил внимание и Дарвин, случай, хорошо доказанный на множестве примеров спорадического появления сходного наряда у животных, мало родственных, хотя и связанных единством общего происхождения.

Однако, как то показали полувековые сборы и исследование пишущего эти строки в отношении тетеревиных птиц, изменчивость этого типа есть явление необычайно редкое. Достаточно напомнить, что в своих особо ярких формах (стиля, нас интересующего) эти «цветовые aberrации» (точнее: цветовые варьеты) появляются среди обычных по окраске популяций в отношении одной ко многим тысячам и даже сотням тысяч особей «нормальных»...

Но насколько иначе рисуются нам числовые отношения обоих оперений занимающей нас птицы. Как ни редки кречета с нарядом «пестрого алтайца», относительная численность их все же несравненно выше: общее количество алтайских кречетов, хранящихся в музеях, вряд ли достигает сотни, между тем число «двуцветных» или «пестрых» все же приближается к десятку.

Подводить поэтому дихроматизм нашей птицы под понятие «Аналогической изменчивости» мы не можем.

3. Допущение, что перед нами — помеси, или гибриды, сочетающие признаки двух разных кречетов типа «Норвежского» и типа азиатского балобана.

Нам скажут: неизвестность самки выводка из Кушка-Нура затрудняет и гибридное его истолкование!

Это суждение только отчасти справедливое, поскольку комбинационность признаков у помесей обычно позволяет заключать и о природе их предполагаемых родителей.

Но даже независимо от разбираемого выводка, простой анализ оперения «двуцветной», «пестрой» формы кречета алтайского и беглое сравнение с нарядами его ближайших родичей дает солидную опору взгляду на его гибридное происхождение. И в самом деле.

Перед нами трое птиц, все три — самцы, во взрослом оперении, все три, определенные, как кречета «Алтайские», но до чего они различны!

Крайний слева: сверху буровато-серый, более землистый на спине, на плечевых и кроющих крыла, лишь слабо испещренный палевыми кромками и пятнами, с сизым надхвостьем. Снизу — белый с мало обозначенным рисунком из штрихообразных или каплевидных пятен. (Из коллекции проф. Мензбира 25/1 1913. Окрестности Зайсана. «Кишкин-Тау». Дарвиновский музей).

Средний экземпляр — типичный «пестрый» кречет, сочетающий яркопятнистую, почти что «пустельговую» окраску мантии и сизое надхвостье. Из коллекции проф. Г. П. Дементьева, любезно переданной им автору (18.XII 1931 — Южный Алтай. Катон-Карагай. — Дарвиновский музей). В дальнейшем этот экземпляр мы будем приводить под именем «Дементьевского».

Правый экземпляр напоминает оперение «сибирского» балобана, за которого он и был первоначально принят автором: землисто-бурый сверху с крупными ржавыми пестринами. Низ — беловато-охристый, лишь слабо разрисованный. Добыт автором в Ужурском крае, на Саянах, в 1902 (Пал 20/II 1919 после 15-летнего содержания в Московском Зоопарке. Дарвиновский музей).

Эти три алтайских кречета как нельзя лучше связывают сизую окраску кречета норвежского и глинисто-землисто-бурого «сибирского балобана».

Недаром первые, когда-то добытые экземпляры кречета алтайского сходили за «норвежских», а «ужурский» экземпляр, когда-то вывезенный мною из Саян и живший долгие 15 лет в Московском Зоопарке, жил и пал под именем «Сибирского балобана».

И вот учитывая эту крайнюю лабильность признаков у разных особей «алтайцев», как и «мозаичность» оперения у той же птицы — в частности «Дементьевского» кречета, эту мозаику тонов, дымчато-сизого и охристого, трудно удержаться от сопоставления этой мозаики с окраской, свойственной типичным «мозаическим» гибридам, совмещающим на своем теле признаки различных видов, или варьететов.

Сизо-дымчатую поясницу, сизое надхвостье и «штаны» словно заимствованы от кречета норвежского, как то показывает ряд самцов этого кречета сибирского происхождения с надхвостьем, идентичным по окраске и рисунку с таковыми «пестрого алтайца».

Не труднее расшифровка охристого элемента.

В общем охристые, ржавые, кирпичные тона упорно говорят за кровь балобана. Достаточно сослаться на балобанов в собрании Дарвиновского музея, у которых ржавчатые пятна мантии по ярко сти и по размерам абсолютно идентичны с разрисовкой мантии «Дементьевского» кречета-алтайца.

Мантия такого пестрого балобана плюс поясница и надхвдастье (и отчасти рулевые перья) некоторых норвежцев с крупной светлой разрисовкой, свойственной «континентальной» форме северного кречета Сибири, вместе взятые прекрасно расшифровывают оперение «пестрого» алтайца, как типичной «мозаичной» помеси.

Труднее с вашей точки зрения истолковать наряды выводка из Кушка-Нура, именно поскольку здесь отец этого выводка известен и не будучи ни кречетом «норвежским», ни балобаном, мог передать своему «пестрому» потомку только сизое надхвостье.

Тем не менее, оба основных слагаемых, окраска сизая и охристая, смогут быть и здесь сводимы к скрещиванию тех же птиц, или, точнее выражаясь, к смешанности крови.

Хорошо известно нахождение гнездящихся балобанов в месте гнездовья кречета алтайского. И хотя случаев, фактического гнездования в той же области норвежских кречетов доселе точно не доказано, но при обширности распространения этой последней формы и при свойственном для этой части Азии сближении северной и южной фауны можно допустить наличие гнездящихся норвежских кречетов в районах гнездования «алтайцев», а тем самым и возможность скрещивания с балобаном,

Но и помимо этих фактов и соображений, делающих вероятным мысль о гибридности происхождения «пестрой фазы» оперения алтайцев, самый факт дихроматического оперения птенцов из Кушка-Нура подтверждают толкование этих птиц, как особей гибридного происхождения.

За принятие гибридного происхождения хотя бы части птиц, трактуемых доселе в качестве «Алтайцев», говорит и необычная изменчивость нарядов взрослой птицы, даже в их более частой «темной» фазе оперения.

Весьма возможно, что отдельные хранящиеся по музеям (в частности и в Дарвиновском) кречета Сибири, помечаемые то «норвежцем», то «алтайцем», равно компетентными учеными, являются как раз такими «извлеченными» норвежцами, т. е. внучатными и правнучатными гибридами, возникшими из скрещивания обеих форм, в самых различных комбинациях кровей.

Такое, толкование «пестрой фазы» кречета «алтайского» как «помеси» отчасти подтверждается его необычайной редкостью: на тысячи «нормальных» кречетов, хранящихся в музеях мира, нам известны только единичные «двухцветные», и эта поразительная редкость неизбежна в естественна при толковании их, как гибридов.

Но вернемся к нашему исходному вопросу о таксономической оценке нашей кречетиной группы и посмотрим, в какой мере толкование «пестрого алтайца» в качестве гибрида проливает свет и на таксономические ранга этих птиц, и всего прежде выводка из Кушка-Нура.

Самый тип их расщепления на «норвежцев» и «балобанов» является как раз таким, каким он свойствен для гибридов, происшедших в результате скрещивания не двух различных «видов», не различных «варьететов», или «морф» того же вида.

Но не то же ли самое говорит нам и господствующее доселе толкование «алтайцев» в качестве диморфной группы? Оба взгляда, и склоняющийся в сторону «Дихроматизма», и отстаивающий гибридное происхождение «пестрого алтайца», сходятся в признании того, что в разбираемом хищнике с его двумя нарядами эти последние суть цветковые варьететы.

Все различие обоих взглядов сводится к тому, считать ли этот диморфизм за укоренившийся в природе, или только временное состояние, снова и снова подновляемое в единичных случаях при спорадическом случайном скрещивании двух разных форм.

Нетрудно видеть, что такое совладение обоих взглядов на дихроматическое оперение алтайской формы кречета определяет высоту систематического ранга и его ближайших родичей.

И в самом деле. Разбираемая здесь диллема сводится к простому силлогизму:

Оба типа оперения алтайской формы кречета относятся друг к другу как различные две цветковые фазы («морфы», или «цветовые варьететы»).

Оба типа оперения алтайской формы кречета сводимы к двум различным оперениям, свойственным в отдельности балобану и кречету норвежскому.

Оперение балобана и кречета норвежского относятся друг к другу как два цветковых варьетета.

Это низведение двух главных представителей интересующей нас группы кречетов к двум разным «варьететам» кажется натянутым и произвольным только при сопоставлении Норвежца западного типа и обыкновенного балобана.

Но сопоставим светлого континентального норвежца и пятнистого сибирского балобана... Тот же рисунок при различном тоне при различии лишь фона оперения!

Там — беловато-сизый, здесь — буровато-охристый с тождественным узором темных супротивных пятен. Глядя на наряды этих птиц, невольно сравниваешь их с созданием человеческого творчества, с продукцией литографа: один и тот же контур, тот же основной рисунок проступает при различном колорите, обусловленном количеством и качеством употребляемых «каменей».

И в самом деле, пользуясь одними красками (кобальтом, синим лаком), получаем сизые тона норвежца, пользуясь другими (смесью хрома желтого и охры), получаем ржавые тона балобана. Так поступил бы наш воображаемый литограф при репродуцировании окрасок наших птиц при их цветном изображении на камне....

Но не так ли и в самой природе, сходный «штамп» рисунка полагается в основу оперения двух наших хищников, различия же в цвете не зависят ли всецело от различных факторов окраски, целиком определяющих особенности колорита, будь то у различных особей того же выводка, будь то у особое и различных рас.

Нам скажут: все это — только догадки и предположения! Сравнение — не указ и аналогия — не доказательства!

Мы отвечаем: демонстрировать «ад окулос» природу и происхождение нас занимающих окрасок и рисунков мы не в состоянии, поскольку кречета не куры и не канарейки и не размножаются в неволе.

Но характерно, что тот же вывод: толкование двух разных оперений кречета алтайского (норвежского) и пестрого балобана, как «цветовых» лишь варьететов или «морф», частично лишь локализованных, находит для себя опору при различных двух подходах к разрешению вопроса: исходя из данных таксономики и доводов генетики.

Мы подошли к итогу нашего анализа. Он сводится к ответу на вопрос: что представляют собою разобранная нами группа птиц столь целостная по структуре, столь различная по оперению?

Мы говорим: все кречета (за вычетом, быть может, маленького «Мексиканца») суть не более, как «цветовые фазы» или «варьететы» той же птицы, резко полихромной, образующей ряд «морф», то в разной степени локализованных, то наблюдаемых совместно в той же местности и в том же выводке.

За это говорит не только нахождение в одном гнезде сизых «исландцев» с белыми «полярными»; не только иллюзорность точного разграничения «исландцев» и «норвежцев» на громадном протяжении от Урала до Манчжурии, но и встречаемость в центральной Азии, бок о бок на гнездовье двух различных «форм» балобанов: «джунгарских» (пестрых) и типично-европейских с одноцветной мантией.

Поскольку же такое гнездование в той же местности двух близких, но неоднородных форм возможно либо для животных разных видов либо — разных «цветовых вариантов», но не разных «рас географических», — то остается лишь отстаиваемый нами взгляд на кречета алтайского (норвежского) и на балобана, как цветовые фазы той же птицы (наподобие дихроматичным, или даже полихроматичным совам, цаплям и подорликам).

Но этим самым отпадает затруднение, указанное в свое время лучшим знатоком нас занимающих здесь птиц, профессором Г. П. Деметьевым, его сомнения в возможности объединения всех кречетов под общим видовым названием, как то отстаивалось Клейншмидтом.

Но даже более того. Как ни смотреть на внутривидовую таксономику всех кречетов, имеется другая сторона вопроса, более значительная: факт возможности, основываясь на предложенном здесь толковании «пестрого алтайца», как гибрида, заключить о генезисе сизого и охристого элемента кречетиного наряда вообще.

И в самом деле. Эта «мозаичность» сочетания охристых и сизых элементов оперения у той же птицы («пестрого алтайца») не является ли аналогией подобной же мозаики наследования во всех тех случаях, когда касается оно «абerrативных» признаков.

Не если так, то не имеем ли мы право думать, что подобно белоснежному наряду, возникающему спорадически то здесь, то там, на базе сизо-дымчатого оперения, это последнее, а равным образом и охристые, ржавые тона балобанов (в широком смысле слова) зародились некогда «абerrативным» способом, чтобы затем, меняясь под влиянием экзогенных факторов, сложиться в те, или иные местные, географические, расы...

Но ведь если так, — а рассуждения эти несравненно более базированы, чем любые филетические построения внутривидового ранга (стиля вышеприведенного), то не имеем ли мы право видеть в разбираемом примере только лишний довод в пользу несравненно большего признания роли и значения «прерывчатой изменчивости», чем то признавалось автором «Происхождения видов»?

Но доказывая лишний раз наличие в природе резких и внезапных качественных изменений, мы лишь утверждаемся в концепции, так ярко подтверждаемой всей совокупностью наук за гранями биологических.

Именно в свете этого примата качества иных изменений и отказа от боязни признания «скачка» в природе (отвергавшегося Дарвиным лишь на словах, на деле же обильно пронизавшего все гениальные его труды...), возможно оправдать попытку предлагаемого очерка: представить в несколько ином аспекте и с другим акцентом группу наших многоцветных, острокрылых хищников.

Заканчивая настоящий очерк, позволительно связать его с текущими задачами, практическими целями и специальным обликом данного Сборника.

Общеизвестно, как до нашей Революции, в итоге хищнического хозяйничания скупщиков пера, это последнее в неисчислимым тоннах вывозилось за границу, и не только от домашней птицы, но включая массовые поступления в Москву за счет отстрелов дикой, в том числе редчайших соколов из отдаленнейших частей Сибири.

В зарубежных орнитологических журналах приходилось с огорчением читать о том, как иностранные ученые за счет таких прибывших из России транспортов пера и птичьих шкур приобретали за бесценок экземпляры птиц, доселе считанных в коллекциях наших музеев.

Можно быть уверенным, что с этим вандализмом навсегда поконечно, и нашей «национальной» птице, соколу и кречету, воспетой русскими былинами и песнями, этой эмблеме наших героических летчиков, объекту давнего внимания орнитологов России, — будет обеспечена и должная охрана под открытым небом и приоритет в научной разработке русскими музеями и русскими учеными.

И в самом деле. Как в любом разделе умственной культуры, будь-то в мире звуков, или царства слова, есть напевы, или мысли, близкие, созвучные именно данному народу, — так и в области познания живой природы, в частности пернатых властелинов воздуха, — проблеме «Сокола» и «Кречета» издавна уделялось русскими учеными особое внимание: от Северцева, Мензбира и Сушкина до современных их преемников и продолжателей.

Но никому из них, наших советских орнитологов, не довелось отдать «русскому соколу» так много времени, любви и сил, как общепризнанному их главе — профессору Георгию Петровичу Дементьеву.

Анатом, музеолог, полевой натуралист, эколог, физиолог, библиограф и библиофил, историк и зоогеограф, автор капитальных сводок, специальных монографий и общедоступных популярных книг — он первый подошел к проблеме «сокола» во всей ее машущей многогранности.

От скрупулезных изучений филигранной графики пера или скульптуры кости, хода линьки и деталей местонахождений, от вопросов практики охоты с «ловчим соколом», его охраны и до основных вопросов эволюционного учения и Дарвинизма — нет того аспекта, в направлении которого Г. П. Дементьев не пытался бы с успехом подойти к познанию своих любимцев, будь то под открытым небом тундры и Туркмении, или под сводами музеев Ленинграда и Москвы.

Именно в этом смысле вышеприведенные страницы да послужат скромным вмадом в дело научения нашей «национальной птицы» в направлении глубокой мысли, высказанной некогда великим физиологом, и так удачно избранной Дементьевым эпиграфом к одной его работе, посвященной все тому же соколу:

«Узнай я что-либо до основания, и я познал бы все!».